

Замотин Иван Иванович

Ф. М. Достоевский в русской критике

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Иванович З.**
Ф. М. Достоевский в русской критике / Замотин Иван Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 340 с.

ISBN 978-5-519-85617-1

ISBN 978-5-519-85617-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Оглавление.

	Стр.
I. Сороковые годы. Натурализм литературной манеры и западничество направлення въ творчествѣ Ѳ. М. Достоевскаго. „Бѣдные люди“ и др. повѣсти и рассказы періода 1846 — 1849 гг.	1
II. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ. Отъ западнаго гуманизма къ гуманитарному освѣщенію русской жизни. Отъ натурализма отрицанія пошлости въ жизни къ натурализму утвержденія въ ней идеала. „Униженные и оскорбленные“. „Записки изъ Мертваго Дома“. .	33
III. Во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ. Отъ прогрессивнаго гуманизма къ консервативнымъ тенденціямъ „почвы“. Отъ натурализма бытописанія къ натурализму психологическихъ изысканій. „Преступленіе и наказаніе“. „Идіотъ“. „Вѣчный мужъ“.	83
IV. Въ первой половинѣ семидесятихъ годовъ. Консервативныя тенденціи „почвы“ въ оппозиціи къ „западническому прогрессу“. Внѣшній литературный шаблонъ и внутренняя психологическая правда. „Бѣсы“. „Подростокъ“.	131
V. Во второй половинѣ семидесятихъ годовъ. Оппозиціонный консерватизмъ въ процессѣ собственнаго идеальнаго строительства на „почвѣ“. Простота литературной формы и величіе проникающей ее идеи. „Дневникъ Писателя“ 1876—1877 годовъ.	195
VI. 1879 — 1881. Художественная реализація идеала: русская дѣйствительность въ освѣщеніи религіозно-нравственныхъ воззрѣній Достоевскаго. Независимѣсть литературной формы и литературной мысли. „Братья Карамазовы“.	223
VII. 1880. Историческое оправданіе идеала: прошлая судьба русскаго человѣка и его будущее „всемірное назначеніе“. Рѣчь Достоевскаго о Пушкинѣ и итоги его основныхъ взглядовъ въ критикѣ.	287
VIII. 1846 — 1881. Выводы: общественныя направлення и литературная критика, идеологія Достоевскаго и его литературная манера въ освѣщеніи отзывовъ о немъ современной ему печати.	322
Указатель именъ.	331

1

21

2

3

I. Сороковые годы. Натурализмъ литературной манеры и западничество направленія въ творествѣ Ѳ. М. Достоевскаго. „Бѣдные люди“ и др. повѣсти и рассказы періода 1846—1849 гг.

Вліяніе Гоголя и „натуральной школы“ на автора романа „Бѣдные люди“: зависимость его романа отъ гоголевскаго стиля, юмора, отъ гоголевскихъ художественныхъ образовъ и вообще отъ „эстетическихъ началъ, внесенныхъ въ наше искусство Гоголемъ“. Крайности „натурализма“ въ литературной манерѣ Достоевскаго: „миньонность“ формы и содержанія, однообразіе и слащавость языка. Художественная манера Достоевскаго передъ судомъ „эстетики чистаго искусства“. Достоинства литературной формы въ романѣ Достоевскаго. Итоги сужденій о литературной формѣ романа „Бѣдные люди“ въ статьяхъ Бѣлинскаго 1847—1848 гг. Общественная тенденція въ романѣ „Бѣдные люди“ и связь ея съ западнической идеологіей: Бѣлинскій и критика западническаго лагеря о гуманизмѣ автора „Бѣдныхъ людей“, Шевыревъ о его иноземной „филантропической тенденціи“. Отрицаніе идейности въ содержаніи романа. Вліяніе романа на читающее русское общество. Критика о повѣстяхъ и рассказахъ Достоевскаго за 1846—1849 гг.; общее въ нихъ по формѣ и содержанію съ романомъ „Бѣдные люди“; новыя наблюденія надъ творчествомъ Достоевскаго по поводу его повѣстей и рассказовъ: любовь автора къ анализу душевныхъ явленій, стремленіе къ „психологической исторіи помѣшательства“, „фантастичность колорита“ повѣстей и рассказовъ, иностранныя вліянія и иностранныя параллели въ нихъ, предчувствіе славянофильской тенденціи въ творествѣ Достоевскаго; недостатки повѣстей и рассказовъ по формѣ и содержанію. Общія заключенія критики о характерѣ художественнаго дарованія Достоевскаго и предвѣдѣніе его литературнаго будущаго.

Первое печатное произведеніе Ѳ. М. Достоевскаго, появившееся въ 1846 году ¹⁾, было встрѣчено пророческой фразой В. Г. Бѣлинскаго: „... Въ „Петербургскомъ Сборникѣ“ напечатанъ романъ „Бѣдные люди“ г. Достоевскаго—имя

¹⁾ „Петербургскій Сборникъ“, изданный Н. Некрасовымъ. Спб. 1846; отдѣльно: „Бѣдные люди“. Романъ Ѳедора Достоевскаго. Спб. Въ типографіи Эдуарда Праца. 1847.

совершенно неизвѣстное и новое, но которому, какъ кажется, суждено играть значительную роль въ нашей литературѣ ¹⁾. Дѣйствительно, „совершенно неизвѣстное и новое“ имя сразу же привлекло къ себѣ вниманіе критики и вызвало цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и иногда противорѣчивыхъ толковъ. Несмотря однако на пестроту сужденій, сгруппировавшихся около романа „Бѣдные люди“, этотъ сырой, на первый взглядъ, матеріалъ журнальныхъ статей и замѣтокъ поддается—даже для этого ранняго періода дѣятельности знаменитаго романиста—нѣкоторой схематизаціи, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи съ одной стороны—литературной, съ другой—общественной стихіи въ его творествѣ.

Литературная манера нашихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, въ той или другой степени близкая къ творчеству Гоголя, опредѣлялась въ критикѣ этого времени обыкновенно терминомъ „натуральная школа“, подъ которымъ В. Г. Бѣлинскій понималъ стремленіе искусства къ „воспроизведенію дѣйствительности во всей ея истинѣ“ ²⁾. Самымъ выдающимся представителемъ этого стремленія для своего времени считалъ Бѣлинскій Гоголя, и къ нему, какъ совершенному образцу „натуральной школы“, возводилъ творчество другихъ, еще начинавшихъ свою дѣятельность, писателей сороковыхъ годовъ. Поэтому при появленіи романа „Бѣдные люди“, онъ, не отрицая оригинальности таланта Достоевскаго, заговорилъ въ то же время и о близости его къ литературнымъ приемамъ Гоголя. „Мы не хотимъ—говорить онъ—его (Достоевскаго) сравнивать ни съ кѣмъ, потому что такіа сравненія вообще отзываются дѣтствомъ и ни къ чему не ведутъ, ничего не объясняютъ. Скажемъ только, что это талантъ необыкновенный и самобытный, который сразу, еще первымъ произведеніемъ своимъ, рѣзко отдѣлился отъ всей толпы нашихъ писателей, болѣе или менѣе обязанныхъ Гоголю направленіемъ и характеромъ, а

¹⁾ „Отеч. Записки“ 1846, т. 44. VI. Библиографическая хроника. „Петербургскій Сборникъ“, изданный Н. Некрасовымъ. Стр. 45.

²⁾ „Современникъ“ 1848, т. 7. „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“, стр. 18.

потому и успѣхомъ своего таланта. Что же касается до его отношеній къ Гоголю, то если его, какъ писателя съ сильнымъ и самостоятельнымъ талантомъ, нельзя назвать подражателемъ Гоголя, то и нельзя не сказать, что онъ еще болѣе обязанъ Гоголю, нежели сколько Лермонтовъ обязанъ былъ Пушкину. Во многихъ частностяхъ обоихъ романовъ г. Достоевскаго („Бѣдныхъ людей“ и „Двойника“) видно сильное вліяніе Гоголя, даже въ оборотѣ фразы; но со всѣмъ тѣмъ въ талантѣ г. Достоевскаго такъ много самостоятельности, что это теперь очевидное вліяніе на него Гоголя, вѣроятно, не будетъ продолжительно и скоро исчезнетъ съ другими, собственно ему принадлежащими, недостатками, хотя тѣмъ не менѣе Гоголь навсегда останется, такъ сказать, его отцомъ по творчеству. Продолжая эту риторическую фигуру сравненія, прибавимъ, что тутъ нѣтъ таже никакого намека на подражательность: сынъ, живя своею собственною жизнію и мыслию, тѣмъ не менѣе всетаки обязанъ своимъ существованіемъ отцу. Какъ бы ни великолѣпно и ни роскошно развился въ послѣдствіи талантъ г. Достоевскаго, Гоголь навсегда останется Колумбомъ той неизмѣрной и неистощимой области творчества, въ которой долженъ двигаться г. Достоевскій¹⁾.

Такая же мысль о близости литературной манеры Достоевскаго къ Гоголю, но только въ болѣе рѣзкой формѣ, была высказана и въ другомъ, славянофильскомъ, лагерѣ нашей критики. „...Замѣтно ли оригинальное художественное созданіе?“ Задастъ такой вопросъ С. П. Шевыревъ по поводу романа „Бѣдные люди“ и отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Рѣшить такой вопросъ съ перваго раза очень трудно. Оригинальность художника опредѣляется формою его созданій. На формѣ лежитъ еще такая рѣзкая, неотражимая печать вліянія Гоголева, что мы не видимъ возможности освобожденія. Обвинять въ этомъ нельзя. Гоголева походка видна въ большей части произведеній нашей повѣствовательной и особенно драматической литературы. Трудно начи-

¹⁾ „Отеч. Записки“ 1846, т. 45, отд. V. Критика. „Петербургскій Сборникъ“, изданный Н. Некрасовымъ, Спб. 1846. Стр. 7.

нающему отъ нея отдѣлаться. Въ слогѣ Макара Дѣвушкина такъ часто отзывается слогъ лицъ, выводимыхъ Гоголемъ. Юмористическія выходки такъ и пахнутъ его юморомъ“... ¹⁾

Какъ это обыкновенно бываетъ, двѣ - три мысли, брошенныя корифеями критики по адресу новаго писателя, были подхвачены рядовыми рецензентами и обозрѣвателями литературы и перетолкованы на нѣсколько ладовъ.

При этомъ одни изъ нихъ, отмѣчая близость Достоевскаго къ Гоголю, стали относить на счетъ подражательности комическій элементъ романа „Бѣдные люди“. „Въ этомъ романѣ два элемента поэзіи: серьезный и комическій. Первый гораздо болѣе второго носить на себѣ той художественской истины, которая такъ высоко цѣнится въ произведеніяхъ таланта. Комическое же здѣсь какъ-то изыскано и составляетъ замѣтное подражаніе тону, краскамъ и даже языку Гоголя и Квитки“ ²⁾. „Главная причина недостатковъ скучнаго романа г. Достоевскаго“—читаемъ въ другой замѣткѣ вариацию на ту же тему—„заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ въ тонѣ своего разсказа хотѣлъ соединить юморъ Гоголя съ наивнымъ простодушіемъ покойнаго Основьяненки (Квитка). Пусть, въ дальнѣйшихъ опытахъ, онъ уклонится отъ соблазна наружнаго подражанія, устранивъ нелѣпыя теоріи фокусниковъ искусства, и, можетъ быть, лучше удастся“... ³⁾

Другіе, наоборотъ, приписывали вліянію Гоголя именно „серьезный“ элементъ романа „Бѣдные люди“. Такъ, по поводу героевъ этого романа высказывалось напр. такое мнѣніе: „...Въ самомъ созданіи этихъ лицъ, въ самой любви автора къ возведенію въ художественные образы этихъ, повидимому мелкихъ, отношеній проглядываетъ вліяніе Гоголя“... Въ частности, „что касается до героини романа, то при созданіи ея присутствовала мысль гоголевскаго „Невскаго проспекта“, только взятая въ обратномъ смыслѣ“. „Да не подумаютъ—оговаривается критикъ—,чтобы (sic) мы

¹⁾ „Москвитянинъ“ 1846, ч. I, № 2. Критика. Петербургскій Сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ. Статья С. П. Шевырева. Стр. 169.

²⁾ „Современникъ“ 1846, т. 41. Новыя сочиненія. Стр. 273.

³⁾ „Сѣверная Пчела“ 1846, № 25. Русская литература.

съ натяжкою отыскивали это сходство. Въ авторѣ на каждомъ шагу виденъ продолжатель, развитель Гоголя, хотя развитель самостоятельный и талантливый; скажемъ еще болѣе: авторъ анализируетъ явленія иногда даже больше Гоголя, роется въ нихъ глубже, если хотите“...¹⁾ Наконецъ, обобщеніе шло дальше, и въ произведеніяхъ Достоевскаго стали видѣть вообще „господство эстетическихъ началъ, внесенныхъ въ наше искусство Гоголемъ“...²⁾ Еще одинъ шагъ впередъ по тому же пути—прикрѣпленія Достоевскаго къ Гоголю—, и Достоевскій оказался не только подражателемъ его, но и однимъ изъ крайнихъ представителей гоголевскаго „натурализма“: „Въ направленіи автора отразилось вліяніе Гоголя,—онъ принадлежитъ къ числу лицъ, которыхъ произведенія упрочили названіе натуральной школы за школою, которая считала своимъ главою и основателемъ великаго художника, едва-ли думавшаго объ основаніи какой-либо школы. Акакій Акакіевичъ гоголевской „Шинели“ сдѣлался родоначальникомъ многаго множества микроскопическихъ личностей: микроскопическія печали и радости, мелочныя страданія, давно уже вошедшія въ обыкновеніе у повѣствователей, подъ перомъ г. Достоевскаго... доведены до крайняго предѣла“³⁾.

При такомъ характерѣ вліянія „копированіе“ Гоголя дѣлается въ ущербъ художественности и самостоятельности рассказа и становится однообразно-тяжелымъ. „Какъ г. Достоевскій, такъ и г. Тургеневъ (послѣдній въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ) слѣдуютъ тому направленію, которое далъ нашей словесности Гоголь, и которое петербургскіе критики называли натуральною школою. Хотя трудно опредѣлить достоинство писателя по его первымъ произведеніямъ, потому что въ дѣлѣ искусства первыя попытки, часто, какъ вспышки насильственно сосредоточеннаго жара, не всегда могутъ ручаться за будущее развитіе: однако и

¹⁾ „Финскій Вѣстникъ“ 1846, т. 9. V. Библиографическая хроника. Стр. 28

²⁾ „Отеч. Записки“ 1847, т. 50. Отд. V. Критика. Нѣчто о русской литературѣ въ 1846 году. (Статья Вал. Майкова). Стр. 3.

³⁾ „Московскій Городской Листокъ“ 1847, № 116. Обзорніе журналовъ за апрѣль. Стр. 465.

по начальнымъ опытамъ видно, что г. Достоевскій не безъ таланта; но талантъ этотъ, по признанію даже самыхъ жаркихъ поклонниковъ его, принялъ какое-то утомительное для читателя направленіе; юморъ автора большею частію не въ мысли, а въ словахъ, въ безпрестанномъ и несносномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же выраженій, сплошь и рядомъ скопированныхъ съ манеры гоголевскаго разсказа (недостатокъ, общій впрочемъ всѣмъ послѣдователямъ такъ называемой натуральной школы)...¹⁾

Такимъ образомъ въ этой близости литературныхъ приемовъ Достоевскаго къ Гоголю и вообще къ „натуральной школѣ“ нѣкоторые критики увидѣли уже не положительную, а скорѣе отрицательную сторону творчества новаго беллетриста. Отрицательное вліяніе „натурализма“ на Достоевскаго отмѣчено было уже въ 1846 году не только въ содержаніи его романа и въ общихъ приемахъ его творчества, но и въ самомъ его языкѣ. Критика обратила, между прочимъ, вниманіе на излишнюю подробность, однообразіе и слащавость языка,—въ частности на обильное употребленіе уменьшительныхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Въ одномъ изъ январскихъ выпусковъ „Иллюстраціи“ за 1846 годъ „Бѣдные люди“ Достоевскаго сравниваются съ романомъ Я. П. Буткова „Петербургскія вершины“ (2 т. Спб. 1846 г.), и результатъ сравненія оказывается не въ пользу литературной манеры автора, изобилующей „подробностями“ стиля и пристрастной къ именамъ уменьшительнымъ. „...Въ послѣднее время такъ называемый сатирическій родъ развился до нельзя. Гдѣ набрать предметовъ: чиновники и картежники, картежники и чиновники и опять чиновники и картежники. „Петербургскія вершины“, кажется, служили образцомъ, или, лучше сказать, натурой для новаго романа. Въ „Петербургскихъ вершинахъ“ замѣтенъ талантъ, который сколько-нибудь заботится о формахъ; по нѣкоторымъ подробностямъ можно ошибиться и подумать, что авторъ „Вершинъ“ написалъ и этотъ романъ; но романъ, который не имѣетъ

¹⁾ Москвитянинъ“ 1847, ч. 1. Критика. Стр. 152.

никакой формы и весь основанъ на подробностяхъ, утомительно однообразныхъ, наводитъ такую скуку, какой намъ еще испытывать не удавалось. Подробности да подробности въ романѣ похожи на обѣдъ, въ которомъ, вмѣсто супа, сахарный горошекъ, вмѣсто говядины, соуса, жаркого и десерта, сахарный горошекъ. Оно, можетъ быть, и сладко, можетъ быть, и полезно, но въ такомъ смыслѣ, въ какомъ подчиваютъ сластями кондитерскихъ учениковъ: чтобы поселить отвращеніе къ сахарнымъ произведеніямъ. Въ каждомъ письмѣ Дѣвушкинъ даетъ какой-нибудь подарочекъ, и непременно съ тѣмъ же сахарнымъ горошкомъ; въ каждомъ письмѣ Вариньки—нѣжная заботливость о здоровьѣ сосѣда съ сахарнымъ горошкомъ. Неизвѣстно, почему вообразили себѣ наши сатирики, что мелкіе чиновники говорятъ только уменьшительными. И ужъ въ этомъ романѣ уменьшительнымъ нѣтъ никакой пощады. Это лексиконъ, справочное мѣсто уменьшительныхъ. Впрочемъ чего нельзя взвести на безотвѣтныхъ мелкихъ чиновниковъ. Истинно бѣдные люди!“....¹⁾

Два мѣсяца спустя обличеніе „уменьшительныхъ“ у Достоевскаго было подхвачено и развито съ значительной долей ироніи въ журналѣ „Библіотека для Чтенія“. Критика этого журнала, не расположенная вообще къ литературному „натурализму“, отнесла, видимо, на его счетъ уже упомянутые недостатки стиля въ романѣ Достоевскаго, къ которымъ прибавила еще обильное употребленіе „парадныхъ“ или „театральныхъ“ эпитетовъ. Сочувствуя начинающему автору, очутившемуся въ недоумѣнномъ положеніи между восторженными похвалами и жестокими нападками, критикъ „Библіотеки для Чтенія“ въ то же время иронизируетъ надъ излишней скромностью и микроскопичностью идей и чувствъ автора и въ особенности его способа выражать свои „идеечки“, „чувства и страстицы“. „Бѣдный молодой человекъ!... (а я,

¹⁾ „Иллюстрація“ 1846, янв. 26-го. Библиографія. Петербургскій Сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ. Стр. 59. Приблизительно въ томъ же духѣ было высказано нѣсколько замѣчаній о „ложной сентиментальности и апопееозѣ мѣщанскихъ добродѣтелей“ въ „Финскомъ Вѣстникѣ“ 1846, т. 9. V. Библиограф. хроника. Стр. 29.

признаться, сначала думалъ, что авторъ „Бѣдныхъ людей“ не молодой человѣкъ, а молодая особа, и теперь еще не совсѣмъ увѣренъ, что онъ не дѣвушка,—чего прошу не принимать въ укоризну—это своего роду похвала!)... бѣдный молодой человѣкъ! За что вы его такъ жестоко хвалите, такъ лестно браните?... что онъ вамъ сдѣлалъ?... онъ, такой скромненькій, тихонькій, миленькій, пригоженькѣй? — онъ, который даже не смѣетъ говорить *ore rotundo* и изъясняется всё одними только уменьшительными?... „Въ рощѣ щебетали птички, кустики, обѣгавшіе опушку, были такіе хорошенькіе, такіе веселенькіе, березка раскидывалась съ такими говорливыми, трепещущими листочками, что, бывало, невольно перебѣжишь лужайку, по травкѣ, такъ гармонически шелестящей подъ ножкой“... Всё у него миньонное—идеечка самая капельная, подробности самыя крошечныя, сложокъ такой чистенькій, перышко такое гладенькое, наблюденіице такое меленькое, чувства и страстицы такія нѣжненькія, такія кружевныя, что, прочитавши, невольно воскликнулъ я: премиленькій талантикъ!... Я имѣю слабость вѣрить въ будущность всякаго начинающаго дарованія, хотя столько разъ уже они меня надували, и убѣжденъ, впредь до распоряженія, что господинъ Федоръ Достоевскій вскорѣ поставитъ меня воскликнуть полнымъ ртомъ и густымъ басомъ: премилый талантъ!... но, покаместъ, его микроскопическія словечки, предметы, лица и подробности такъ съузили и сжали мой губы, что и я, подобно ему, говорю уменьшительными... Я убѣдился, что уменьшительныя ничего не уменьшаютъ, что они просто—признакъ мелочности понятій, а не тонкости воображенія или нѣжности чувства, и что человѣкъ со вкусомъ долженъ избѣгать ихъ по возможности, какъ пошлаго и приторнаго средства любезности... Уменьшительныя—вещь неблагородная, особенно, въ такомъ изобиліи, какъ у него (Достоевскаго) въ „Бѣдныхъ людяхъ“ и притомъ въ искусствѣ, у котораго находится много другихъ средствъ, болѣе художественныхъ, и менѣе пошлыхъ, придать мысли и ея выраженію оттѣнокъ нѣжности. Рядомъ съ этими нянюшкиными словечками онъ любитъ еще употреблять